

Денис Краснов

Зацепиться за имя

Денис Краснов

Зацепиться за имя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70348924

SelfPub; 2024

Аннотация

Что происходит, когда человек сталкивается с тайной имени? И существует ли эта тайна? Что скрывается за именами людей, которых мы встречаем в нашей жизни? Вот лишь некоторые вопросы, вокруг которых строится сюжет этого увлекательного психологического романа. Главному герою, платонически порхающему между Москвой-2018 и Петербургом-2022, приходится разгадывать секреты своих возлюбленных как самостоятельно, так и с помощью самых блестящих умов, занимавшихся философией имени в истории русской мысли. Павел Флоренский, Сергей Булгаков и Алексей Лосев – вот лишь некоторые знаменитые проводники, чьё наследие помогает героям на путях развития их запутанных и страстных отношений. К чему ведут эти пути, на которых причудливо скрещиваются имена и судьбы наших современников? И почему «имя победило мир»? Об этом и многом другом – в дебютном романе автора.

Содержание

Глава 1. Имя забытое	5
Глава 2. Имя сокрытое	18
Глава 3. Имя заветное	33
Глава 4. Имя бессмертное	43
Глава 5. Имя блаженное	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Денис Краснов

Зацепиться за имя

*Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...*

А.С. Пушкин

Глава 1. Имя забытое

Многие туристы похожи друг на друга, но москвичи, прибывающие в Петербург, становятся временно непохожими на самих себя. Пожалуй, я не имел права делать столь поспешное заключение, но после приземления подумал именно об этом, с удивлением заметив, что мои попутчики не начали толпиться на выход, а спокойно дождались, пока стюард расторопно прорубил окно к подоспевшему трапу. Признаться, мне хотелось прилететь в северную столицу тоже хоть чуть-чуть петербуржцем, однако я совсем не знал, что для этого нужно, и, нацепив на себя тёмные очки и холодный вид, озаботился лишь тем, как бы чем не выдать свою иногороднюю сущность.

Сквозь просвечивающую чешую ступенек на меня надвигался сырой бетон, но я старался не смотреть под ноги, а глядел по сторонам и втягивал влажный воздух, пытаюсь убедить себя в том, что он здесь какой-то особенный. Это оказалось весьма опрометчивым: оторвавшись от трапа, моя левая нога едва не потонула в пулковской луже, а правая, не успев среагировать, очутилась там же. Последним зайдя в автобус, я слышал подмокших москвичей, ругавшихся на питерскую погоду, и, втайне поддержав их, всё же внутренне посетовал, что многое так быстро встало на свои места. Впрочем, сдержанный трепет никуда не делся: не только от того, что

новые ботинки выдержали первое испытание на прочность, но и потому, что город выслал мне навстречу своего делегата.

Отдалявшаяся мордочка востроносого самолёта блеснула именем Достоевского, а так и не названный в его честь аэропорт вернул мне багаж и выпроводил восвояси. Отдавшись во власть вертлявого зазывалы, услужливо схватившего мою поклажу, я проследовал с ним до такси, смахнул очки и ставшую ненужной личину безразличия и увидел на сиденье потрёпанный томик «Белых ночей», на обложке которого неясно расплывалась томно-туманная, подёрнутая дымкой картина. Можно было только гадать, читал ли эту книгу сам таксист или же её оставил кто-то из его забывчивых пассажиров, но меня, помимо надвигавшегося за окном города, отвлекало другое. С закладки, разделившей повесть на две неравные части, задумчиво смотрел в сторону её автор, словно нарочно сошедший сюда с картины Перова. Пока машина неспешно приближалась к гостинице под робко крапавшим дождём, меня не покидало странное чувство, будто мы с Достоевским едем куда-то вместе.

В конце поездки водитель, очевидно, уловив мой интерес к лежавшей книге, сказал мне:

– Брат, ещё не читал? Возьми, хорошая вещь.

«Хороши таксисты в культурной столице», – подумал я, но отказался, и «Белые ночи» покатались дальше по городу.

Впереди было ещё почти полдня, и, преодолев соблазн прилечь после дороги, я буквально вытащил себя на ули-

цу. Слишком уж давно я не был в Петербурге, чтобы терять напрасно время. Небо стало проясняться, и слезливый дождь сменился запоздалым солнечным вторжением. Городская атмосфера разбухла душным маревом, погрузила в липкие объятия, одурманила потяжелевшую голову.

Выйдя из отеля, я свернул с шумного Лиговского в первый же переулочек и без всяких планов и намерений пошёл здороваться с городом. Раньше мне доводилось бывать здесь всего дважды, но оба раза знакомство оказалось слишком кратким, чтобы вынести из него что-то определённое. Как часто бывает, образ легендарной точки на карте складывался, по большей части, из прочитанных книг, известных судеб и чьих-то обрывочных воспоминаний. Всё это беспорядочно наслаивалось и теснилось, оставаясь, в сущности, чужим и наносным, и мне хотелось заново открыть для себя Петербург, многое в нём распробовать и, в каком-то смысле, сделать его своим союзником.

«Кузнечный переулочек» – мелькнуло на адресной табличке, скруглённые очертания которой, напомнившие дворцовый силуэт, порадовали глаз после строгих московских прямоугольников. Поблизости запестрели торговые ряды и развалы, приглашавшие к рыночной галерее. Приостановившись, я огляделся, куда бы свернуть, чтобы обогнуть это городское торжище, и наткнулся взглядом на угловые ступеньки, спускавшиеся к добротным деревянным дверям. «Музей Ф.М. Достоевского» – возвещала аккуратная входная вывес-

ка, словно завлекая в гости к моему недавнему попутчику.

В этот момент мой карман зазвенел, и я внезапно вспомнил, что забыл сообщить Веронике о своём приезде. Я посмотрел на экран – да, это была она.

– Ну как, уже устроился? – освежающе зажурчал её голос. – У тебя там что-то шумно, ты гуляешь?

Я отвечал, почти не задумываясь о том, что говорю, а больше – слушал и вкушал, ловил каждый звук и вдыхал ту радость, которую она так легко и щедро дарила.

– Ты где сейчас? На Невском, как все туристы?

– Вероника, не поверишь, но я даже не представляю, где он находится. От музея Достоевского далеко? Кроме отеля и музея, я пока здесь ничего не знаю.

– Ну ты даёшь! Не знаешь, где Невский, но уже успел обратиться к нашему Эф Эм. А я по вечерам читаю его «Вечно-го мужа». Такая забавная книжка, будто не он писал.

– Да? Не знаю, надо будет спросить.

– Кого?

– Да автора, пока он рядом. А на Невский я сегодня ещё зайду, обещаю.

– Там совсем недалеко от тебя. И вообще, запомни: если ты в центре, то Невский почти всегда близко.

– А куда податься, чтобы близко всегда была ты?

Она ответила уклончивым смехом и спросила:

– Ты ведь идёшь на футбол в субботу, я правильно помню?

– Ага, послезавтра. А ты тоже хочешь пойти? Решайся,

пока ещё есть билеты.

– Нет, я не люблю «Зенит», я же говорила.

– Вот и славно, поболеем вместе за «Спартак».

– Ну уж нет, не торопись обращать меня в свою веру.

Вообще, я хотела тебя кое о чём попросить, но лучше при встрече. Ладно, мне пора заканчивать работу и убегать. До завтра!

Эти последние слова отозвались во мне звонче всего. Да, уже завтра мы впервые увидимся. Бывает же так – познакомились почти пять лет назад, но ещё ни разу не встречались, не смотрели друг другу в глаза. За это время я едва не женился, сменил работу, разъехался и вновь съехался с родителями. Наверняка и у неё этот жизненный промежуток между нашим случайным знакомством и предстоявшим свиданием вместили что-то значимое, но главным было то, что она оставалась свободной и, вероятно, готовой разделить эту свободу с кем-то другим. Этим «кем-то другим», разумеется, я видел только себя, но, пока её не было рядом, я вспоминал свой прошлый опыт и старался не слишком-то обольщаться: в конце концов, «кем-то другим» могла оказаться для меня и она сама.

Пока я перебирал в уме отрывки наших прошлых разговоров, из музея Достоевского вышла группа ребят – совсем юных, по-студенчески нескладных, но таких симпатичных и увлечённых, что даже не пришло в голову возмутиться, когда один из них, вихрастый живчик на тонких ногах, задел меня

наплечной сумкой и расхохотался, декламируя что-то очень знакомое своей худосочной спутнице в массивных, вполне филологических очках. Вслед за молодёжью в дверях показалась почтенного вида дама средних лет и, попрощавшись с экскурсантами, обратилась ко мне:

– Молодой человек, музей уже закрывается. Приходите завтра.

Застигнутый врасплох, я привстал, только сейчас обнаружив, что говорил по телефону сидя на ступеньке. Поспешно отойдя в сторону, я прочитал на фасадной плите, что в этом самом доме Достоевский написал «Братьев Карамазовых» и прожил свои последние годы вплоть до самой кончины.

Достоевский и смерть? А разве писатели... умирают?

Нескладное роение набежавших мыслей намекало на то, что пора наконец расслабиться и отдохнуть, – недолгий, но довольно тряский перелёт давал о себе знать. Я повернул назад, дошёл обратно до Лиговского, но, издали завидев крутящиеся гостиничные лопасти, поморщился от скуки и припомнил, что неплохо бы выполнить обещанный на сегодня минимум и добраться до Невского. Солнце начинало садиться, и наступало, пожалуй, самое чудесное время, когда тягучий знойный день переходил в звенящий тёплый вечер.

Большой город нещадно выдавливал из своих могучих недр тысячи усталых людей и снова засасывал обратно тех, кто не спешил с ним расставаться. Железная дорога прохо-

дила совсем рядом, и вот уже синие и белые воротнички стали сливаться в массу нарядных и тоже утомлённых приезжих, делавших первые несмелые шаги по Петербургу. На фоне этих новоявленных туристов я почувствовал себя едва ли не старожилом и, прибавив ходу, в два счёта оказался на Невском. Сразу захотелось позвонить и сообщить об этом Веронике, но это было бы сущим мальчишеством, и вместо неё я набрал Стаса.

– Здорово, старик, ну как там Питер? – гулко раздалось в телефоне. – Ходишь по музеям и галереям, пока я не приехал? Ничего, в день матча покажу тебе фартовые места. Всё, пока отбой!

Стас выпалил это и, не дожидаясь моего ответа, отключился. Я давно привык к его манере общения, поэтому не удивлялся и уж тем более не обижался. Несколько лет назад мы работали вместе в большом спортивном проекте, а впоследствии пересекались довольно редко, не чаще одного-двух раз в год, причём только на каком-нибудь важном матче. Мы заметили, что наша команда никогда не проигрывает, когда мы смотрим игру вдвоём на стадионе. И хотя таких случаев набралось не больше пяти-шести, мы стали называть это «магией совместного действия» и даже создали особый ритуал, чтобы она безотказно срабатывала.

Так любой поход на футбол со Стасом становился своего рода «игрой в игре», которой мы весьма дорожили. Особенно серьёзно к этому относился Стас, гораздо более ярый бо-

лельщик, чем я. Он всегда удивлялся, как можно радоваться за соперников, когда свои проиграли, а я не находил в этом ничего особенного. В конце концов, если бы футбол не мог перешагнуть за рамки игры с нулевой суммой, принося удовлетворение только одной стороне за счёт расстройства другой, то о какой объединяющей силе спорта можно было бы говорить?

Стас только хмуро кивал, когда я начинал развивать эту идею, но по его вялому бурчанию я видел, что она ему не близка. Футбольное поле было для него самой зримой и наглядной ареной жизненной борьбы, а в жизни никакое поражение принципиально не допускалось. И, поскольку «Спартак» при нас пока не проигрывал и мы стремились продолжить эту серию, получалось так, что мне приходилось невольно соглашаться с логикой Стаса, смотреть на игру его жадными до побед глазами. Однако при каждой неудаче команды, даже не видя Стаса, я чувствовал по его редким, но страстным сообщениям, как сильно он страдает, и вместе жалел его и внутренне торжествовал, ведь мне в такие моменты было не так уж больно. Тем самым, правда, я сам же опровергал свой в меру отстранённый подход и получал какое-то скрытое удовольствие от переживаний друга, о чём я ему, конечно, никогда не говорил. Во всей этой мешанине было непросто разобраться, и наша дружеская игра, получившая несколько уровней сложности, из года в год продолжала крутить своё колесо.

«И всё-таки хорошо, – подумал я, сворачивая на Старо-невский, – что её не будет с нами на стадионе». По законам жанра мы должны пойти на матч со Стасом вдвоём, и только вдвоём, иначе можно спугнуть фортуна, а она-то точно пригодится против сильного соперника, да ещё на его территории. Одним словом, я даже не хотел представлять себе красновато-обветренное, всегда немного возбуждённое лицо Стаса, если бы перед самой игрой он застукал меня на Крестовском вместе с Вероникой.

«Воздержание, дружище, воздержание во всём, – и чтобы никаких женщин за сутки до матча!» – любил говаривать Стас, дотошно напоминая мне катехизис нашего ритуала. Думаю, по части женщин Стас убеждал в этих случаях самого себя, хотя о его личной жизни я не знал почти ничего, кроме, пожалуй, того косвенного факта, что он чуть ли не каждые полгода сдавал какие-то особые анализы «во избежание ненужных мужских недоразумений», как он сам однажды проговорился. Как-то раз я встретил Стаса в театре в компании эффектной пышнотелой брюнетки, лицо которой было трудно разобрать из-за яркого, густого, просто-таки непроходимого макияжа. После расставания с ней годом позже Стас с грустной иронией признался мне, что это была девица «с развитыми формами правления», и общий вектор интереса моего друга к женскому полу стал более-менее ясен.

Не думаю, что Вероника была в его вкусе, но даже если

бы она ему приглянулась, это только бы меня раззадорило. Здесь и сейчас, в июльском Питере, мне хотелось только одного: чтобы она по-настоящему понравилась мне самому – сильно, безоговорочно и желательно навсегда. Нашу предстоящую встречу, конечно, сложно было назвать свиданием вслепую, но щекочущего волнения от этого не убавлялось.

А что вообще я знал о ней и как бы мог описать её, если бы тот же Стас вдруг спросил меня? Высокая (судя по фотографиям) блондинка с тонкими, отчасти ускользящими чертами лица, обманчиво ровным, но в любой момент готовым взорваться голосом, в котором слышались решительность и знание жизни. Когда она говорила, я блаженно затахал и чувствовал себя почти юнцом, непостижимо обласканным взрослой, знающей себе цену женщиной.

Очевидно, Вероника немало удивилась, когда я написал ей после многолетней паузы, и первым делом мы стали вспоминать, почему и как прервалось наше общение. Точнее, это делала она одна, ведь я прекрасно знал, как это случилось, но не стал отказывать ни ей – в удовольствии покопаться в собственной памяти, ни себе – в возможности расшевелить и направить в нужную сторону её разыгравшееся любопытство. Впрочем, она быстро сдалась, признавшись, что моё имя, «в наши дни такое редкое и дивное», ни о чём ей не говорит.

Давно привыкший к забывчивости, порождаемой в других умах моим простым и коротким именем, я пропустил это

замечание мимо ушей и славировал на свой главный пункт, как если бы он возник в процессе нашего мозгового штурма. Хотя мне и было неловко признаться Веронике в том, что тогда я предпочёл ей Коринну, жившую рядом, в Москве, я всё же решил прямо написать об этом, чтобы разом отсечь то прошлое, что нас разделяло. Мне понравилось, что это ничуть её не смутило, – напротив, наш диалог принял тон общения старых знакомых, заинтригованных неожиданной встречей долгие годы спустя.

Вскоре, желая немного встряхнуть благодушное течение нашей переписки и заодно проверить её реакцию, я предложил перейти на английский, курсы которого она тогда посещала. Вероника согласилась, но спустя пару дней написала: «У тебя выше уровень, давай лучше снова по-русски». Так мы перешли на «ты», и следующим этапом сближения стал телефонный звонок, когда я впервые её услышал. И снова меня удивило то, что между нами почти не ощущалось натянутого, благоразумного прощупывания, столь предсказуемого между мужчиной и женщиной при том особом подтексте, который подразумевает намечающееся сближение. Мы говорили так, словно имели все основания для раскованного диалога, хоть и шёл он вокруг самых обычных тем: работы, увлечений, планов на будущее. Ещё не закончив тот первый разговор, я уже знал, что очень хочу её увидеть.

Это желание только окрепло, когда вечером следующего дня она позвонила сама. Я пропустил её вызов, а она, в свою

очередь, не ответила, когда я следом перезвонил ей. И всё равно, досадуя на самого себя и в то же время радуясь её звонку, я не мог не ощутить главного: между нами, как хотелось верить, стало что-то завязываться.

В эти дни очень кстати после многомесячного затишья в мою жизнь вновь ворвался громогласный Стас.

– Старик, у нас с тобой было не так много совместных выездов. А трофейный матч в Питере – это не шутки. Надо помочь команде! Ты же помнишь, как мы огребли от них в прошлый раз? Разве можно оставить ребят на растерзание в этом зверском логове? Сам ведь знаешь: как новый сезон начнёшь – так его и проведёшь.

Стас уже всё за меня решил и подготовил, пока я размышлял и прикидывал, когда лучше поехать в Питер на встречу с Вероникой. Мне захотелось по-дружески обнять своего старого приятеля, который, разумеется, ни о чём не подозревал и сильно удивился, когда я сразу, без раздумий согласился.

Дома мне тоже не пришлось ничего объяснять – родные привыкли к моим частым отлучкам по работе и даже обрадовались, что на этот раз я поеду не в командировку, а в мини-отпуск. Моя жизнь складывалась таким образом, что с рутинной периодичностью мне приходилось возвращаться в родительский дом: сначала после учёбы и стажировок, затем после длительных рабочих отъездов, а в конце концов – из-за ситуации в семье, которой нужно было помогать, находясь рядом.

Как ни странно, нас спланивала болезнь моего деда – печально нараставшее старческое слабоумие, в конце концов сделавшее его совершенно беспомощным. Хотя он и встретил 90-летие с удивительным для своего возраста запасом физических сил, его душевный недуг почти не давал им распоряжаться и временами делал нашу жизнь просто невыносимой. Всем нам отчаянно хотелось найти и заткнуть ту невидимую дырочку, из которой по капле утекал прежде энергичный, предприимчивый дух родного человека, но увы – процесс был до безобразия страшен, нагляден и необратим. По сути, от любимого дедушки осталась лишь материальная оболочка, и было невероятно больно изо дня в день видеть впавшего в детство старика, не способного более хоть как-то управляться со своим крепким, кряжистым телом.

Глава 2. Имя сокрытое

В последнее время я часто покидал родительский дом с чувством, будто стряхиваю с себя что-то дряхлое, лишнее, досадно прилипшее. Однако уезжать было радостно и тягостно одновременно. Я вырывался на свободу, но постоянно слышал в дороге колкое постукивание, напоминавшее о том, что где-то за спиной, в родных краях, совсем несладко приходится моим близким. Зудящая мысль о том, что остаться и помочь им было бы куда лучше, чем удирать на очередные заработки, саднила и разъедала, сводила на нет всю внешнюю пленительность моих командировочных вылазок. И всё-таки то, что я почти всегда уезжал с рабочей целью, хоть немного, но успокаивало.

Убедить себя в том, что я имею такое простое и очевидное право, как право на отпуск, было непросто, а как следует наладить личную жизнь – ещё труднее. Хотя родные и старались иной раз из добрых побуждений вытолкнуть меня из дома, чтобы я отвлёкся и переключился, от меня не могло укрыться, как непросто им отпускать меня, пока ещё жив дедушка, чья немощь бессрочно связывала нас по рукам и ногам.

Особенно остро я ощутил это на фоне вспыхнувшей увлечённости Коринной. Мы познакомились в ситуации, которая совсем не была похожа на романтическую. В тот зимний день

я примчался после работы в торговый центр, чтобы купить новую рубашку и галстук накануне важного утреннего совещания. Хотелось сделать всё побыстрее, вернуться пораньше домой, отшлифовать доклад и завалиться спать. Вся неделя получилась скомканной и суматошной: компания запускала новый проект и, как водится, в последний момент корпела над самым срочным. Измочаленным сотрудникам пришлось согласиться не только на сверхурочные часы и ночные бдения, но и на перенос контрольного совещания на субботу, что было особенно тяжело: похоже, выходные готовились помахать нам ручкой. В те дни я буквально ночевал на работе, добираясь домой лишь под утро – уже не ради сна, а просто для того, чтобы вырваться из офиса и хотя бы ненадолго вспомнить, что есть и другая жизнь, помимо стратегических задач и показателей эффективности. Однако в пятницу я всё же настоял на том, чтобы весь мой отдел покинул работу вовремя и собрался с силами перед судьбоносной субботой.

Признаться, я был на взводе, когда добрался вечером до магазина и на скорую руку подобрал себе то, о чём уже давно просил мой гардероб. Торговый центр был забит праздным пятничным людом, и даже на кассе бутика образовалась вялая очередь, которую люто хотелось разогнать мокрой шваброй уборщицы, упрямо метившей всем прямо в ноги. Продавцы, словно издеваясь, неспешно заворачивали товары в яркие упаковки, отнимая у меня драгоценные минуты такого желанного, предвкушаемого сна.

Моё терпение было уже на исходе, когда, наконец, подошёл черёд девушки, стоявшей прямо передо мной. Всё это время я смотрел поверх её каштановой головы за ловкими, но медлительными руками упаковщиц, и только сейчас, когда она добралась до прилавка, я без всякого любопытства, скорее машинально, поглядел, как её холёные смуглые руки погладили пару изящных сапог, а пальцы продавца услужливо зашуршали по бумаге. Не знаю, как это вышло, но мне сразу показалось, что в этой обуви что-то не так. Я присмотрелся к уплывавшим в коробку сапогам и внезапно для самого себя вынырнул из-за спины шатенки и остановил руку кассира.

– Подождите, вы что, не видите?

– Что такое? – лихо заломил бровь продавец.

– Товар-то с браком.

Я обернулся к девушке и указал на пятнышко на каблуке. Не особенно таясь, оно глянцевито поблёскивало, отражаясь на зеркальной поверхности прилавка.

– Ой, и правда, здесь что-то не так, – низковатым грудным голосом сказала шатенка, приблизив каблук к глазам. – Похоже, я и не заметила, когда мерила, уж больно мне эти сапожки понравились... Нет-нет, не возьму даже со скидкой!

Отклонив увещания продавца, она посмотрела на меня и улыбнулась:

– Спасибо, что бы я без вас делала... Вы всегда так наблюдательны?

– Всегда, когда этого от меня не требуют. А в других случаях, увы, с переменным успехом.

– Тогда и я вам кое-что скажу. Ваши рубашка и галстук, конечно, замечательны, но только отдельно друг от друга. Или вы в цирке служите?

От неожиданности у меня засвербело в груди, как у ناشкодившего школьника. Я ощупал себя глазами и непонимающе уставился на шатенку, но она с усмешкой смотрела не на меня, а на то, что было в моих руках. Поразительно, но мой выбор и впрямь казался ужасно нелепым. Зелёная рубашка и жёлтый галстук ласкали глаз и искрили энергией, но больше подходили для киношного героя, а не офисного клерка. Я судорожно сбросил поклажу на прилавок, и кассир негодуя изогнул другую бровь.

– Пойдёмте, – шепнула шатенка, – пока нас отсюда не выгнали. Раз уж мы занялись совместным шопингом, давайте доведём дело до конца, но в другом месте.

Это прозвучало так волнующе убедительно, что в тот момент я сразу понял: сегодня у меня уже не будет ни обновки, ни долгого сна, а завтра, вероятно, и никакого отточенного доклада. Мы сели в кафе, она сбросила свою шубку, и уже через полчаса я знал о ней почти всё. На год младше меня, не замужем, но «уже пора бы», много лет работает финансистом, живёт с родителями в соседнем районе, любит «печь вкусняшки» и мечтает о собственном салоне красоты.

Она поспешила уточнить, что её имя пишется через «о»

и с двумя «н» – Коринна. Оно очень шло её восточной внешности, хотя точнее следовало назвать её южнославянской, – у неё были черногорские корни со стороны отца, и первые годы жизни она провела на Адриатическом побережье, а позднее переехала с родителями в Москву. Она рассказывала о себе, не задавая попутных вопросов, и я был бесконечно признателен ей за это. Как замороженный, я смотрел то на длинные пальцы её ухоженных рук, то на крупные, чуть навывкат, карие глаза, которые влажно блестели и обдавали меня теплом её далёкой и призрачной родины, где я никогда не бывал. Мне подумалось, что самым лучшим было бы заснуть прямо за этим столиком под звук её неторопливого низкого голоса, который ничего от меня не требовал и так успокаивающе отзывался в моём убаюканном сознании.

Но вот наступил момент, когда она вывела меня из размякшего состояния встречным вопросом о работе и, узнав о моём субботнем совещании, тут же осеклась и стала собираться.

– Простите, что-то я совсем заболталась. Хорошо так сидеть пятничным вечером, когда впереди целых два выходных... А ведь вам ещё, наверное, нужно купить рубашку и галстук взамен тех, несурзных? Только не обижайтесь, по-другому их сложно назвать. Ах, уже не будете? Конечно, ведь и магазины вот-вот закроются. Придётся мне тоже зайти за обувью в другой раз.

Я неохотно посмотрел на часы и удивился, что стрелки из-

готовились перешагнуть одиннадцать. Мы просидели больше двух часов, и мне было так хорошо, что я совершенно не понимал, зачем нужно куда-то идти и делать что-то другое. Хрипловатым, неверным голосом я предложил подвезти её до дома, но она отказалась и, попрощавшись, заторопилась в метро.

Окончательно проснувшись и остро почувствовав, что сейчас может произойти непоправимое, я догнал её и выпалил первое, что пришло в голову как спасительная зацепка:

– Коринна, вы же сами сказали – дело нужно доводить до конца. Завтра после совещания или в воскресенье я в вашем распоряжении. Если только у вас нет других планов.

Благосклонно прищурившись, она всмотрелась в меня и сказала:

– Вы правы, нужно всё доводить до конца. Такой обувной консультант, как вы, многим бы пригодился. Звоните мне, когда захотите.

Мы обменялись номерами, она взмахнула своей прелестной рукой, и я усталое побрёл на паркинг.

Утро следующего дня началось с тяжёлой головы, жестоких упрёков самому себе и клятвенным обещанием никогда больше не совать свой нос в чужие товары. Я злился и негодовал, но понимал, что это было не более чем попыткой раскачать себя перед ненавистным совещанием, а в глубине тем временем затаилось что-то тёплое и зовущее, имя которому было – Коринна.

Однако офисные новости охладили мой пыл: проект, над которым мы упорно бились с коллегами в последние недели, обернулся лишь иллюзией светлого будущего. Компании предстояла нешуточная встряска и, в конечном счёте, масштабное сокращение. Хотя конкретных кадровых решений пока не последовало, становилось кристально ясно, что над каждым из нас повисла реальная угроза увольнения, и между строк легко читалось адресованное всем послание на всякий случай подыскивать себе новое место работы.

Никогда ещё я не уходил из офиса в столь гнетущей обстановке, но, сложив всё в голове, поймал себя на мысли, что расстроен не так, как другие, и даже втайне чему-то радуюсь. Впрочем, объяснить это чувство было совсем несложно: я не любил и не понимал смысла этой изматывающей работы и каждый год подумывал о том, чтобы найти для себя более степенное и независимое занятие. От такого шага меня удерживал только азарт отца, который несколько лет назад затеял капитальную перестройку дома и всё никак не мог её завершить. Повисшие на моих плечах кредиты постепенно росли, заставляя крепко держаться за то, что ещё вчера казалось таким стабильным и незыблемым. Теперь же все планы и расчёты стирались в пыль, и в замаячившем хаосе неопределённости замерцала заманчивая и рискованная возможность нового жизненного зигзага.

Ещё не зная, нужно ли рассказывать ей об этом, я в тот же день позвонил Коринне. Поначалу я рассудил, что сообщать

о рабочих проблемах будет так же неловко, как и возобновлять разговор с того, что курьёзно нас сблизило, – рубашек и сапог. По счастью, она тоже о них не вспомнила и, похоже, не сильно удивилась, когда я предложил сходить на органичный концерт. Пусть я и не был поклонником столь серьёзной музыки, но имя Баха на афише звучало так прочно и основательно, что у меня не возникло ни малейших сомнений, когда я выискал его в вечернем репертуаре.

Мы встретились у метро и, поскольку она прилично задержалась, нам пришлось поторопиться, чтобы успеть к началу. Рядом со мной всё под той же шубкой захрустели сапожки, похожие на те, что я забраковал накануне, и она, поймав мой вопросительный взгляд, утвердительно кивнула. Ввернув незатейливую шутку по случаю обновления, я легко заставил её расплыться в улыбке, обнажившей крупные зубы с вкраплениями бордовых отпечатков, – похоже, помада также спешила вместе с нами.

Когда мы добежали до гардероба и Коринна на ходу сбросила свои меха, меня обдали жаром её алое вечернее платье и смугло-матовые обнажённые руки. Под сводами зала зазвучали первые возвышенные аккорды, но Баха в тот вечер для меня не случилось. Я слышал только её дыхание, вбирая его в себя вместе с ароматом, шедшим от её молодого, свежего тела. Несколько раз её рука нечаянно коснулась моей кисти, и я едва устоял от искушения хотя бы на миг задержать в ладони её длинные шоколадные пальцы.

После концерта она без колебаний, как само собой разумеющееся, приняла моё предложение подбросить её до дома. Хотелось до бесконечности продлить этот вечер, и я был благодарен заглянувшему в город морозам за то, что они помогли мне, вынуждая долго прогревать остывший двигатель.

Когда мы сели в машину, я налил ей чаю из термоса и сказал:

– Коринна, а в каких театрах вы любите бывать?

– Театрах? Да в самых разных, особых предпочтений у меня нет. Послушай... мы ведь можем уже на «ты»?

– Конечно, как скажешь.

– Хорошо. Знаешь, я вот что хотела сказать, чтобы мы сразу друг друга поняли. Мы видимся всего второй раз, и я не знаю твоих намерений, но... если ты рассматриваешь меня как приложение к культурному досугу, то лучше нам больше не встречаться.

– Вот как? А если я усматриваю в тебе нечто большее?

– Тогда будем разговаривать дальше. И что же ты успел во мне рассмотреть?

– Хм... интересную, привлекательную личность, которую хотел бы узнать получше.

– Только и всего?

– А разве этого мало? Если тебе важно это услышать, то в принципе я открыт к серьёзным отношениям. Ты ведь об этом?

– Для меня серьёзные отношения – исключительно те, что

ведут к браку, остальное мне уже неинтересно. И ещё у меня такое пожелание: я не вижу смысла затягивать больше, чем на год. Мы уже не в том возрасте, чтобы долго друг друга рассматривать.

Слова мне больше не потребовались, и в знак согласия я впервые взял её за руку. Прохлада от её нежной кожи пробежала дрожью по всему телу, и я почувствовал, как вся моя прежняя жизнь роковым образом сжалась до той точки в пространстве, которую занимала эта вчерашняя незнакомка. Мотор нагрелся и замурлыкал, и я набрал её адрес:

– Навигатор показывает, что нам по пути. Пристегни ремень, Коринна, пора отправляться.

Почти всю дорогу я держал её руку в своей, и она не думала отнимать её. Мы долго ехали молча по залитой огнями столице, пока она не сказала:

– Кстати, а как прошло твоё совещание? Доклад удался?

– Доклад? Да всё нормально, хотя это, возможно, был мой последний отчёт в компании.

– А что стряслось?

Пришлось обо всём рассказать ей: и о возможном увольнении, и о кредитах, и о том, что хотел бы делать дальше, если назреют перемены. По дороге закружила позёмка, и я неохотно выпустил послушную девичью руку и взялся за руль покрепче.

– А ты уверен, что со всем справишься? – спросила она.

– А больше ничего не остаётся. С дедушкой что-нибудь

решим, если всё само собой не решится... Пока он жив, в чужие руки мы его не отдадим, это исключено. Но это ладно, мы уже привыкли справляться своими силами. Главное – закрыть долги, и тогда моя совесть перед родителями будет чиста. Мне так хотелось бы, чтобы это случилось ещё до того, как мы с тобой... в общем, ты понимаешь.

– А сколько это может продлиться?

– Если смотреть реально, то примерно два, максимум – три года. Но я постараюсь ускориться и буду пахать, как вол, если для тебя важно, чтобы я уложился в двенадцать месяцев.

– Это важно для тебя, а не для меня. Я же не говорю, что твои кредиты меня как-то смущают.

Я понял, что разговор сползает на сомнительную тропинку, и притих, снова завладев рукой Коринны. За поворотом показались разноглазые многоэтажки, и она прервала повисшее молчание:

– Нам вот к этому дому. Да-да, сюда. Высади меня у магазина, к квартире не обязательно.

– К квартире не обещаю, а вот к подъезду – гарантирую.

Мы остановились в тёмном дворике, и я, не включая света в салоне, приблизил к губам её потеплевшую руку.

– Для первого свидания ты много себе позволяешь, – задумчиво сказала она.

– Пусть это будет немножко в долг. Кстати, а почему для первого? Мы же видимся во второй раз.

– Вчерашняя случайная встреча не в счёт. А вот свидание – сегодня первое.

– Сразу видно: кое-кто умеет считать.

– А кое-кто – любит жить в кредит.

Последние слова слегка кольнули меня, но я не успел ничего ответить: она открыла дверцу, сверкнула пряжкой сапога и быстро скрылась в сумрачном подъезде.

Мы стали видеться каждое воскресенье, почти целый день проводя вместе, колеся по бескрайней Москве и наполняясь друг другом. При всей моей увлечённости, я отнюдь не пылал желанием ускорить время между нашими встречами и даже укорял себя в этом, впуская её в объятия после недельной разлуки и утопая в её горящих глазах и губах. Уже тогда, в те первые упоительные свидания, в моей голове включился таймер обратного отсчёта, который, как некий червячок, стал медленно и методично подтачивать меня изнутри. Условленный годичный срок терзал больше всего, и, хотя мы почти не возвращались к разговору о моих житейских и рабочих обстоятельствах, установленное между нами соглашение тяготило своим немым, но очень ощутимым давлением.

Никогда не торопясь посвящать родителей в детали личной жизни, я не стал бы спешить прежде времени и на этот раз, но мои воскресные отлучки и ночные приезды говорили сами за себя. Мне пришлось рассказать о Коринне в общих чертах, без подробностей нашего уговора, и даже при этом умолчании я уловил, как отец нахмурился и решил ускорить-

ся с ремонтом, словно предчувствуя что-то противное своим интересам.

Месяца через три, не дожидаясь грядущего и уже неизбежного сокращения, я вышел на новое место работы, поразившись, как просто можно было сделать это и раньше без потери в доходах. Коринна одобрила моё решение и, как сложно было не заметить, особенно обрадовалась, узнав, что я беру дополнительные часы на дом для подработки. Занявшись неблагодарным делом подсчёта будущих поступлений, я заключил, что теперь на покрытие основных долгов у меня должно уйти не больше года-полтора. Каким-то чутьём я догадался, что не нужно говорить ей об этом, по крайней мере до поры до времени, чтобы в том поле напряжённости, которое мы сами для себя создали, постепенно раскрылись лепестки её подлинной личности и характера. Как бы ни была сладка её чувственная нежность, всё же я ощущал, что между нами залегла незримая преграда, соткавшая тонкую игру, отнюдь не похожую на ту, которую мы вели с тем же Стасом. Эта старая как мир игра, пусть и в особой вариации, называлась тремя простыми словами: мужчина и женщина.

Шли недели и месяцы, и в веренице городских декораций, украшавших наши свидания, я тщетно пытался проникнуть в сущность этой девушки, которая так легко и доверчиво забронировала меня в качестве жениха. Я пытался расспрашивать её о тех, кто был у неё до меня, но не мог добиться ничего вразумительного: не сошлись характерами, обманулись в

ожиданиях, смотрели на жизнь по-разному, и так далее в том же роде. Как бы я ни подступался, приходилось безнадежно утыкаться в стену её нежелания хоть как-то приоткрыть завесы прежних отношений. И всё же одно неосторожное слово сумело прорвать эту неприступную плотину.

Прогуливаясь апрельским днём по Замоскворечью, мы зашли в один известный дворик, и я спросил, приобняв её:

– Рина, а ты знаешь, что здесь снимался «Иван Васильевич»?

Она внезапно побледнела, отстранилась от меня и метнула колкий, пробирающий взгляд:

– Какая ещё Рина?! Ты думал о ком-то другом, да? Запомни, я никакая не Рина, не смей меня так называть! Моё имя – Коринна, и точка!

Я впервые видел её в таком раздражении. С минуту мы стояли молча, рассматривая друг друга как сквозь новые линзы. Справившись с собой, она взяла меня под руку, и мы пошли дальше в сторону Третьяковки.

– Прости, – сказала она немного спустя. – Понимаешь, меня называл Риной один тип... Он долго искал моего расположения, но ему не нужно было от меня ничего, кроме... В общем, это было настоящее животное! Я начала игнорировать его, но он не давал мне прохода, подстерегал буквально везде. Однажды он стал лапать меня прямо на улице, называя Риной. Я поколотила его, как могла, и прогнала. Он был здоровый, как кабан, но на людях так испугался, что ускакал,

как суслик, и на время отвязался.

– Почему тебя так взбесило имя Рины?

– Как тебе объяснить... А ты не читал Флоренского?

– Какого ещё Флоренского? Отца Павла Флоренского? А при чём тут он?

– Да, того самого Павла Флоренского. Он бы лучше тебе ответил, а пока давай больше не будем об этом. Если интересно, я дам тебе его книгу.

Изумлённый и заинтригованный, я не стал задавать дальнейших вопросов, а вечером того же дня впервые оказался у двери её квартиры. Она из вежливости пригласила зайти на чай, очевидно, не рассчитывая на моё согласие, и я, разумеется, отказался: мне пока не хотелось знакомиться с её родителями. А вот прочитать Флоренского мне просто не терпелось.

Она вынесла небольшого формата книгу, аккуратно завернутую в пакет, и протянула мне на вытянутых руках.

– Найдёшь ответ – сообщи. Думаю, тебе понравится.

Повторяя в шутку её движение, я взял свёрток двумя руками, по-восточному поклонился и направился к лестнице, ожидая, что она окликнет меня и мы попрощаемся, как обычно. Но послышался хлопок двери, и я остался один на холодной площадке. В тот вечер я впервые не подержал её шелковистых рук перед новым недельным расставанием.

Глава 3. Имя заветное

– Ты не против, если я буду называть тебя Никой?

– Конечно, мог бы и не спрашивать. Я всё ждала по телефону: и когда он станет чуть проще? Так ведь нет – заладил: «Вероника, Вероника». Неужто, думаю, он и вправду такой серьёзный и правильный?

– Просто знаю по опыту, что с короткими именами лучше не торопиться. К тому же Вероника – это очень красиво.

– Спасибо. А чем Ника хуже?

– Да почти ничем. Разве только тем, что Вероника «несёт победу», а Ника ничего не «несёт», это чистая «победа».

– И что с того?

– Смысл дробится и искажается. А вместе с ним – и восприятие человека. В твоём-то случае не так много меняется – «победная» суть остаётся. Но в других – сущий кошмар выходит. Боря, Коля, Петя – ну что это такое? И чего мы только стесняемся называть людей их полными именами? А ведь у некоторых имён и вовсе нет короткой формы. Такой, чтобы при обращении она не звучала как насмешка или словесный выверт.

– Никогда об этом не думала.

– Ника, ну вот смотри. Мы легко называем Александра – Сашей, Дарью – Дашей, Михаила – Мишей. Пусть мне лично это и не нравится, но эти имена чаще всего принято ковер-

кать так, а не иначе. Как и другие, самые частые и привычные. Люди произносят их, как им ближе, и даже не задумываются, хорошо они звучат или нет. Просто называют – и всё.

– Ну да, если только эти Даши и Саши не встают в позу и не просят называть их по паспорту или, наоборот, не пойми как. У меня был... есть знакомый, который откликается только на имя Алекс, а на всё остальное вообще не реагирует. Я вот не очень понимаю таких людей. Неужели в этом есть какой-то толк?

– Думаю, толк есть и в этом. Удивляет другое – большинство людей относится к именам, как к простым кличкам. Правда, есть ещё и другой разряд имён. Я их называю, условно, «неправильными». Имя Денис, например. Дениска – звучит как что-то детсадовское, а Дионисий – можно произнести и с иронией, и с какой-то даже претензией.

– В чём же сложность, если мы называем Дениса только Денисом? Это ведь даже удобнее, когда у имени только одна форма. Или ты жалеешь, что твоё имя – тоже из разряда «неправильных»?

– Нет, меня это мало беспокоит.

– Если так, то к чему об этом и говорить...

Вероника заметно заскучала и, скрестив руки на груди, огляделась по сторонам. Мы шли по аллеям сверкавшего зеленью Ботанического сада, в названии которого гордо значилось имя Петра Великого. Она работала неподалёку и сама предложила это место для встречи. Приехав сюда незадол-

го до назначенного времени, я подивился, насколько удачным оказался её выбор. Окружающая обстановка выглядела спокойной и ненавязчивой, вполне подходящей для первого свидания. Редкие прохожие неспешно прогуливались по близлежащим улочкам, умываясь в прохладной тени деревьев тёплым ветром, долетавшим с набережной мягкими, ласкающими волнами.

Дождаясь приезда Вероники, я прохаживался вдоль парковой ограды, вдыхая ароматы акаций и любуюсь притихшим городом, который нашёптывал на ухо свою нестройную мелодию, но увы – я был не в силах её разобрать за стуком разогнавшегося сердца. Ника поймала меня звонком из-за спины, я оглянулся – и мы впервые увидели друг друга с расстояния в несколько метров. Пока я приближался к ней, её образ, прежде нарисованный в моём сознании, начал зримо проступать, воплощаясь в этой высокой, плотной фигуре, возникшей из городского эфира. Вместе с внешним покровом: джинсовая куртка, юбка, кроссовки – проявились округлые очертания тела, длинные светлые волосы, пытливые голубые глаза. Всё было так просто и так значительно, ведь это была она – живая, осязаемая, настоящая. Без лишних приветствий, деловитой упругой походкой она направилась к воротам дендрария, а я, примериваясь к её шагу, сразу начал о чём-то рассказывать, будто пытаюсь словами утвердить факт её долгожданного присутствия рядом.

Ботанический сад, как давний друг и добрый хозяин, рас-

пахнул нам свои пёстрые объятия, и я не сразу обнаружил, что столь щедрое гостеприимство лишь усилило мою словоохотливость. Пожалуй, я говорил непривычно много для самого себя, но догадался об этом, только когда она надела тёмные очки и сказала:

– Знаешь, мне приходится так много общаться на работе. Бывает, собеседования идут одно за другим, не успеваешь отдышаться. И всё-таки я интроверт.

Ещё раньше, по телефону, я заметил, что у неё нередко проскальзывало это резковатое «и всё-таки», словно она убеждала в чём-то меня, а заодно и саму себя, стремясь разом поставить нужный акцент и избежать банальности, размытости в мыслях и выражениях. Эта характерная черта отражалась и в её внешности. Поразительным свойством её лица, предельно точного по чистоте и плавности линий, была его текучая неуловимость, в сражении с которой – вероятно, вполне осознанно – она пользовалась чисто женским арсеналом из серии «и всё-таки», будь то отдельный предмет одежды, оттеняющий аксессуар или едва заметный косметический штрих.

В наши последующие встречи мне неизменно казалось, что я вижу её как будто впервые, при этом – странное дело – уже давно зная эти нежные черты, профиль, взгляд. Каждый раз это было гораздо больше похоже на чудесное, трудно объяснимое воспоминание из неведомого прошлого, чем на мимолётное, мгновенно вспыхнувшее чувство к такому без-

условно прекрасному, но изменчивому лицу.

– Ты когда-нибудь любил по-настоящему? – спросила она, присев на скамейку под высоким клёном. – Не так, когда влюбляются, а потом остывают, но полностью, всем существом, без остатка?

– Наверное, да. Хотя... не знаю.

– Если сомневаешься, значит, не любил. А со мной это точно было. Я думаю, то чувство навсегда останется во мне, просто будет выражаться в другой форме и к другому человеку.

– Кажется, кто-то из французов это хорошо однажды сформулировал. Сказать кому-то: «Я тебя люблю», – значит также: «Ты никогда не умрёшь».

Она положила ногу на ногу, и я заставил себя не опускать глаза на блеснувшее белизной колено.

Мы немного помолчали, и я спросил:

– У тебя было много таких встреч, как сегодня?

– Ты второй, с кем я так встречаюсь. Не думала, что задержусь там. Если честно, ты очень отличаешься от девяносто восьми процентов остальной публики. Пишешь вежливо, тактично, с пробелами и запятыми. Сейчас это редкость. Не запятые, конечно, а тактичность. Вообще, удивляюсь, как часто мужчины пишут всякие гадости, иногда даже с первой фразы.

– Что же заставило тебя туда вернуться?

– Я бы и не вернулась, если бы не реальный случай. Моя

знакомая встретила там хорошего человека, вышла замуж, создала семью. Вот и я решила попробовать ещё раз. Обычно ведь уже на первой встрече понимаешь, твой это человек или нет.

Услышанное ударило в меня своей зыбкой откровенностью, в которой слышалось то ли обещание, то ли признание, то ли проверка. После таких слов мне нужно было только одно: заглянуть в её лицо – но сверкнувшие неверным бликом очки-хамелеоны не позволили сделать это. Скрытые за непроницаемыми стёклами глаза, скрещённые руки и ноги – такую крепость можно было взять только штурмом, и тут я отважился на уловку, уж не знаю как осенившую моё разыгравшееся воображение. На другой конец скамьи очень кстати присела совсем юная, скромно одетая девчушка, и я, мысленно поблагодарив её за столь нежданную услугу, начал сворачивать разговор в нужную сторону.

– А мне иногда и встречи не нужно, чтобы сразу всё понять о человеке. Бывает достаточно одного имени, – сказал я. – Есть такие женские имена, которые я всегда стараюсь избегать.

– Какие, например? – вскинула брови Вероника.

– Давай я лучше на ухо тебе шепну, – ответил я, понизив голос. – А то вдруг нашу соседку по скамейке так зовут, и ей станет обидно.

Вероника, поёжившись, кивнула, но мне уже не требовалось никакого разрешения. Я придвинулся к ней, дотронул-

ся до мягкой, дрожавшей на кротком ветре светло-переливчатой пряди и, отведав её в сторону, приблизился к ажурному уху, ощутив у себя на щеке, шее и даже где-то за шиворотом пушистое щекотание, обдавшее меня отдушкой морозной хвои. Чтобы продлить эти восхитительные мгновения под покровом золотистых волос, раскидистого сада и питерского неба, мои губы, прижатые к её мочке, стали произвольно, без каких-либо усилий, шептать всякую околесицу, и она, ещё больше сжавшись и слегка покраснев, в конце концов рассмеялась, услышав произнесённое мной имя.

– Знаешь, я их тоже не люблю, – прыснула Вероника. – Вечно ноют без всякого повода. А кто ещё, интересно?

Окончательно расслабившись и никуда больше не торопясь, я назвал два имени, но сказка тут же кончилась.

– Стоп! Мою маму так зовут, хватит! Ну, ты артист, – она игриво стукнула меня по кончику носа и отстранилась, но всё же я почувствовал, что первичная осада этого крепкого питерского орешка вполне удалась.

– Это я артист? Так ведь твоя мама артисткой служит! Я помню, ты говорила. А в каком театре её можно увидеть?

– Ишь ты, какой скорый. А вот не скажу, раз тебе имя её не нравится. Да и вообще, она играет под девичьей фамилией. Папа, конечно, привык на своём посту, что все ему подчиняются, но тут пришлось примириться. К моменту сватовства мама уже была довольно известной актрисой и ничего, кроме семейного положения, менять не хотела. В общем, нашла

коса на камень, но женщина в такой ситуации всегда побеждает.

Наша молоденькая соседка поднялась со скамьи и, кинув на нас любопытный взгляд, медленно пошла дальше. Вероника достала из сумки небольшой светлый свёрток и протянула его мне.

– Да, по поводу моей просьбы. Ты не мог бы передать эту штуку одному человеку? Он тоже завтра будет на футболе. Это мой старый знакомый, я ему кое-что задолжала. Уже долго не могу отдать, да и не хочу с ним встречаться. В общем, буду признательна, если поможешь.

– Конечно, какой разговор. Как его зовут?

– Алексей. Я напишу тебе его номер... Кстати, а как тебе вчера музей Достоевского?

– Да никак. Я туда не попал, было поздно. Но представляешь, там же неподалёку я наткнулся на дом, где Достоевский написал свой первый роман. «Бедные люди», помнишь эти нескончаемые письма Вареньки и Макара? А в том здании, где музей, он завершил «Карамазовых» и вскоре умер. Мне сразу пришла в голову такая мысль. Если прочертить прямую линию между этими двумя домами, то там будет метров пятьсот, не больше. Меня это просто поразило – весь его творческий путь между первым романом и последним можно условно уместить в эти жалкие полкилометра! Всё это, конечно, умозрительно, но занятно. Хорошо бы о всех писателях знать что-нибудь в этом роде.

– А ты, я смотрю, не только артист, но и фантазёр к тому же! Так живо выдумываешь, аж заслушаешься.

– Всё, я больше не буду. Расскажи лучше, как твой «Вечный муж» поживает.

– Вечный муж? Ах, да, эта книга. Как-то быстро она закончилась. Да и вообще – ничего вечного не бывает. По крайней мере, здесь, в нашем мире. Мы всё пытаемся протиснуться сквозь него в какую-то вечность, хотя толком и не знаем, что она из себя представляет...

Над нами и вокруг нас деликатно, соблюдая свой собственный этикет, перешёптывались не известные мне деревья и кустарники, раскрашивая низкое небо брызгами своего разноцветья.

– Ника, а как же то самое, живущее в тебе чувство? Разве оно не подсказывает, что будет там, за порогом?

– Ты прав, в нём есть какая-то потусторонняя искорка, что-то вроде мимолётной улыбки или поцелуя. В этом есть нечто божественное, ни с чем не сравнимое.

– Если божественное, значит, и вечное тоже.

– Пожалуй. И всё-таки любое чувство – штука зависимая. Я привыкла жить с ним одна, но до конца ему не вверяюсь.

– Боишься обмануться?

– Нет, это уже давно пройденный этап. Скорее, бояться можно только одного... Что чувство однажды погаснет, причём окончательно, и на его месте останется одна пустота.

– И тогда улыбка вечности обернётся лишь гримасой че-

го-то земного, слишком человеческого?

Вероника сняла очки, обнажив красноватые бороздки на белке утомлённых глаз, и сказала:

– Возможно, о моём «слишком человеческом» ты узнаешь уже очень скоро. Только вот не уверена, что оно придётся тебе по душе.

Едва приметно улыбнувшись одними губами, она решительно поднялась со скамьи и своим упругим, летящим шагом устремилась в сторону выхода.

Глава 4. Имя бессмертное

С именем Павла Флоренского было связано для меня одно манящее воспоминание. В студенческие годы я частенько заходил в родном городе в книжную лавку, которая так и называлась – «Флоренский». Это был если и не модный, то очень притягательный магазин, пронизанный причудливым смешением восточных ароматов с запахом диковинных книг, которых я не видел тогда больше нигде. Корешки дорогих фолиантов и изданий попроще с именами известных и не очень философов, мистиков, богословов волновали воображение и давали обманчивое ощущение близости, возможности постичь самое главное – только протяни руку.

Разглядывая стеллажи «Флоренского», я с наивной решимостью думал, что когда-нибудь обязательно прочитаю все эти книги, и жизнь впереди казалась наполненной высоким смыслом и непреодолимо прекрасной. Но лет через десять наступил тот день, когда магазин закрылся, а я так и не осилил те несколько витиеватых сочинений, что успел там купить. Стилизованный профиль Флоренского ещё долго с укоризной смотрел на прохожих с вывески у опустевшего помещения, словно ожидая возврата своего книжного сокровища, но этого, увы, так и не случилось.

С тех пор мне доводилось не раз слышать об этом «русском Леонардо», вместившем в своей гениальной, бьющей

через край личности служение религии, науке и философии. Имя Флоренского неизменно произносилось с особым трепетом, причём даже в тех кругах, что усматривали в его идеях нечто эзотерическое и едва ли не еретическое. И вот, наконец, этот окутанный легендами творец спустился со своих заоблачных высот и оказался у меня в руках в виде книжицы с говорящим названием – «Тайна имени», в которой нужно было что-то отыскать о желанной, но тревожившей девушке, самолично давшей мне такое задание.

Это было похоже на искус, который предстояло для чего-то пройти. Я не понимал, зачем это нужно, но в ровном течении наших отношений с Коринной наметилась любопытная точка преломления, и за это я заранее благодарил Флоренского, открывая его книгу как некое предвестие будущего. Это была одна из тех ночей, когда кажется, что проживаешь если и не всю жизнь в недостижимой полноте, то нечто вроде её оконченного, оформленного фрагмента, дающего прикоснуться к дыханию запредельного.

Погрузившись в текст, я первым делом возмутился, что раньше мы с Коринной совсем не говорили о книжных интересах, хотя я и знал, что её родители занимались то ли филологией, то ли философией и встретили друг друга на общей научной почве. Насколько я мог догадаться по книге, круг чтения их дочери, вероятно, был довольно широким, – Флоренский и в этом поднимал планку ожидания, насытив начало своего труда множеством литературных имён и отсылок.

Прикасясь к имени как к «тончайшей плоти», составляющей духовное ядро человека, автор заботливо, но настойчиво вёл по лабиринтам своих прозрений, расчётов и даже сомнений, и я только сожалел, что Коринна, очевидно, не привыкла или не желала отчёркивать карандашом тут и там встречавшиеся на страницах пригоршни мыслительных роскошеств, – а ведь это могло бы рассказать о ней что-то существенное. Отсутствие пометок оставляло текст свежим и нетронутым, и я не смел рассчитывать на подсказки, которых не нашлось и в оглавлении: в словаре имён, трактуемых автором, я не увидел ни её, ни себя.

Оставалось впитать эту волшебную книжку целиком, не забегая вперёд, и последнюю страницу я закрыл лишь под утро, когда за окном уже начинало светать. Лёгкое дуновение из приоткрытой форточки поманило меня на балкон, и в задумчивой весенней тишине я вдруг явственно услышал волнообразно надвигающиеся отовсюду звуки органа – величавой музыки, что прошла мимо меня в тот день, когда мы с Коринной словесно подписали наш странный договор. Мелодия контрапунктическим узором устремлялась всё выше и дальше, но вот где-то рядом на улице забарабанил ранний дятел, и прекрасная fuga споткнулась и засбоила, сменившись в моей голове беспощадными щелчками невидимого счётчика.

Вернувшись в комнату и плотно закрыв окно, я прислушался к молчанию родного дома, но его безмолвие внезапно

прорвалось стенами, которые я сразу же распознал. Выбежав в коридор, я метнулся к дедушкиной комнате, хлопнул выключателем и в брызнувшем свете увидел, как бездвижная старческая плоть раскинулась на кровати угрожающей надломиться диагональю: голова уткнулась в стену, а голые ноги, выбившись из-под скомканного одеяла, впились в заградительную решётку.

Уловив стеклянным взглядом моё непривычно раннее, но вполне своевременное вторжение, дед застонал сильнее, жалуюсь на неудобство своего положения. Менять его самостоятельно он уже давно не мог, и мне пришлось делать это самому. Осторожно выпутав прохладные пальцы старика из ячеистой сетки, я оглядел его натёртые металлом стопы, слегка помассировал их, сдвинул ноги по центру и накрыл одеялом. На пол шлёпнулась остывшая грелка, я схватил её и рванул было в ванную, но дед жалобно застонал, и я вспомнил о его голове. Она уже оторвалась от стены во время ножных манёвров, но ещё требовала доводки до съехавшей набок подушки. Взбив её, я ухватил тяжёлое тело и уложил его как следует.

Дедушка благодарно прикрыл глаза, облегчённо сложил посиневшие губы в подобие улыбки и начал вхолостую жевать ими, требуя воды. Напоив его, я на всякий случай заглянул под одеяло, потрогал вечерний памперс (ничего, ещё держит) и уселся рядом на табурет. Дело было сделано, и я, окончательно забыв про грелку, стал думать о другом.

В имени моего деда, Афанасий, несущий корень, «танатос», означавший «смерть», слился с первой буквой, полностью её отрицавшей. «Бессмертный» – таков был дословный перевод, и следовало признать, что сквозь эту именную печать просвечивали не только черты личности престарелого человека, но и детали той семейно-психологической обстановки, в которой он доживал свой век. Наши родственники и знакомые приговорили деда ещё тогда, когда на его ползучий ментальный регресс наложился перелом шейки бедра – досадный инцидент «на ровном месте», приведший к ещё большей нагрузке для всех домашних.

«Уж немного теперь осталось Афанасию Витальевичу, да и вам с ним недолго мучиться», – таков был общий подтекст сначала частых, но из года в год редящих родственников визитов, иссякавших по мере того, как дедушка всё меньше узнавал приходивших или вовсе на них не реагировал.

Чем больше нас жалели, тем сильнее я сжимался от возмущения и, наперекор своей личной неустроенности, желал деду прожить как можно дольше. А ведь когда-то давным-давно на мой детский вопрос: «Деда, а зачем ты живёшь?» – он, ещё будучи в здравом уме и твёрдой памяти, ответил просто: «Чтобы умереть. Нужно быть к этому готовым. Только бы не стать вам в тягость».

Тогда это прозвучало страшно и непонятно, а сейчас, сидя у кровати и наблюдая за его блаженно уснувшим, порозовевшим лицом, я вдруг по-новому устранился, как от выплыв-

шего на поверхность, по-житейски сбывшегося пророчества. Мудрый человек с большим сердцем, когда-то готовившийся отважно посмотреть смерти в лицо, он медленно угасал и, не сознавая этого, всё больше становился для близких той самой обузой, в которую так не хотел превращаться.

Афанасий «Бессмертный» – виделась теперь в этом имени даже некая пророческая ирония, едва ли не насмешка, которую не смог бы, пожалуй, растолковать даже пронизательный Флоренский.

Я погасил свет и побрёл в свою комнату. Перед тем, как лечь спать, я ещё раз пробежался глазами по письму Флоренского из Соловецкого лагеря:

«Имя само по себе не даёт хорошего или плохого человека, оно – лишь музыкальная форма, по которой можно написать произведение и плохое, и хорошее».

Несмотря на усталость, я с радостью вспомнил, что нащупал в тексте ответ на вопрос Коринны, но Флоренский подарил мне даже нечто большее. Закрыв глаза, я впервые подумал о том, что влюблён в Коринну и, возможно, любим ею, хотя мы ещё ни разу не признавались в этом друг другу. Наутро, едва проснувшись, я написал ей: «Кажется, я понял тебя. *“По имени – житие, а не имя по житию”*. Жаль только, что он не написал о наших с тобой именах». «Да», – мгновенно ответила она, и я решился на большее: «А того, кто на тебя покушался, случайно звали не Николай?». И вновь, но уже не сразу, она прислала скупое «Да», и мне стало от-

чего-то спокойно и вместе грустно.

Всю неделю нестерпимо хотелось увидеть её, чего раньше испытывать не доводилось, и в какой-то момент я понял, что не смогу дождаться нашего очередного воскресенья. В среду я позвонил ей и предложил встретиться как можно скорее, но она сослалась на срочные дела и отказалась. Сообщить свой рабочий адрес Коринна не захотела и попросила также не приезжать к ней домой: вечерами ей приходилось ухаживать за приболевшей мамой. Так или иначе, но срываться на неделе она не планировала, и это задело меня, лишь взвинтив желание добиться своего.

Нужно было что-то придумать, а ведь я даже не знал названия её фирмы. Перебрав все варианты, я решил поступить очень просто и заказал цветы в магазине, где не требовался адрес получателя, – телефона было достаточно. Выбрав букет гербер, я задумался над временем доставки, чтобы Коринна точно находилась в офисе к приезду курьера. Остановившись на трёх пополудни, я, между прочим, убедительно попросил магазин сообщить мне после передачи цветов адрес встречи, для удобства последующих заказов в то же место.

Разработанный план выглядел вполне сносным, но довольно рискованным: чтобы не показаться навязчивым, мне хотелось остаться неузнанным, хотя это и представлялось немного затруднительным. Не скрою, меня волновало и то, как она отнеслась бы к подарку от другого мужчины, и, вой-

дя в возможный образ этого другого, я сочинил игриво-возвышенный, в меру пафосный анонимный текст, которого она вряд ли могла бы ожидать в моём исполнении. Оставалось только найти способ узнать её реакцию по прочтении открытки, и я особо договорился с курьером, чтобы он настоял на необходимости устного ли, письменного ли, но немедленного её ответа на моё послание.

На следующий день, в начале четвёртого, я услышал в телефоне громкий голос: «Всё сделано, сейчас отправлю!». Пришедший следом адрес ни о чём не сказал, а вот снимок её слов, записанных на клочке бумаги, поглотил моё внимание. В большом волнении, я перечитал их несколько раз, прежде чем понял, что смотрю на них так, словно она обращается ко мне, а не к человеку без имени:

«Дорогой аноним, благодарю за такой чудесный подарок! Он говорит сам за себя, но ещё больше мне сказало бы ваше имя: за ним всегда стоит больше, чем кажется».

Мне стало досадно на себя за свои проделки и подозрения, за то, что впустил в пространство наших отношений третьего, пусть и совсем чужого человека. Я позвонил курьеру и попросил уничтожить её записку, а потом вернулся к полученному адресу, нашёл его на карте и задумался. Многоэтажный бизнес-центр недалеко от Садового кольца – так себе ориентир, если пытаться продолжить поиски, и я решил на время отложить в сторону свою затею. Однако на следующий день меня потянуло непременно поехать туда сразу по-

сле работы, и даже суровые пятничные пробки не убедили в обратном. Потолкавшись в поисках парковки у входа в офисную высотку, я нашёл-таки подходящую точку наблюдения из окна машины и стал дожидаться.

И очень скоро я увидел её: ослепительно яркая, в чём-то жёлтом, она проворно сбежала по ступенькам с букетом гербер и, похоже, собиралась влиться в общий людской поток, тянувшийся мимо моего обзорного пункта. Через какие-то секунды она должна была поравняться со мной, и я приоткрыл дверь, готовый принять её в объятия, но не дождался. Коринна внезапно остановилась, озабоченно оглянулась и заговорила с подошедшим мужчиной лет пятидесяти, комично бесформенным, одетым по-клоунски пёстро и небрежно.

Опустившись на сиденье, я стал наблюдать за происходящим. «Пёстрый» активно жестикулировал, явно на чём-то настаивая. Порывисто качнув головой и коротко огрызнувшись, Коринна отвернулась от него и пошла дальше, но он резким и властным жестом остановил её, схватив сзади за локоть. Я рванул было дверцу, но девушка, решительно повернувшись, отвесила «пёстрому» пощёчину и, точно сразу же испугавшись этого, застыла на месте. Тот побагровел, и на его губах проступила ясно ощутимая угроза. Коринна обречённо опустила глаза и последовала за ним, уронив на тротуар цветок из опущенного букета.

Подойдя к пятнистому тёмно-зелёному седану, припарко-

ванному через три или четыре машины от меня, они уселись вперёд, причём девушка открыла дверцу сама – вполне привычным, как показалось, движением. «Крокодил» зарычал, порывисто, с шипящим свистом, развернулся и помчался в сторону Кутузовского проспекта. Я выбежал, подобрал лежавшую на асфальте герберу, взбодрил табун заржавших под капотом лошадей и кинулся вслед за хищником. Стоять в пробках, похоже, не входило в планы «пёстрого», и его машина вырулила на самый центр дороги, широкую разделительную полосу для спецтранспорта – ту самую, из-за которой Кутузовский в своё время прозвали «дорогой смерти».

Чтобы не светиться за ними и не нарваться на дорожный патруль, я свернул на крайнюю правую полосу для автобусов и такси, которая также пустовала. Держа «крокодила» в поле зрения сквозь пять забитых полос, я вцепился в руль и прибавил газу, чтобы не отставать параллельным курсом. Уже начиная догадываться, куда прокладывал себе дорогу стремительный зверюга, я ждал его появления на своей полосе. Так и случилось: спустя считанные минуты «крокодил» слегка сбавил ход и начал агрессивно, нещадно подрезая простых смертных, протискиваться вправо, и вскоре я уже сворачивал вслед за ним на Рублёвское шоссе. Здесь я немного отпустил его: настоящая Рублёвка начиналась дальше, за МКАДом – там, где бурный поток машин сливался в одну полосу и спешить уже было незачем. Правда, «пёстрый» мог быть обладателем «волшебного фонаря», дававшего пропуск

на встречную, но в пятницу вечером такие фокусы могли позволить себе только по-настоящему крутые ребята из «высочайших».

«Крокодил», по-видимому, был не из самых зубастых и на время превратился в одного из многих в этой тягучей процессии дорогих, но беспомощных автомобилей. Однако, добравшись до первого большого перекрёстка, «пёстрый» вновь пришпорил своего зелёного зверя и свернул к местечку под названием Раздоры. Плотность трафика снизилась, и я приостановился на обочине, пропустив вперёд для прикрытия пару машин, – уж слишком долгой получилась гонка, чтобы «крокодил» не успел хотя бы отдалённо почуять моего горячего дыхания.

Мы обогнули скученный массив коттеджей, к которым один за другим съехали мои сообщники-маскировщики, и на тускло освещённом куске дороги остались только «пёстрый» и я. Любая ошибка могла стать фатальной, я погасил фары и сбросил скорость, наблюдая, как мой пятнистый недруг отдаляется от меня куда-то к своему логову. Он был у меня в руках: впереди расстилалась река, и полностью скрыться из виду ему было просто некуда. Когда между нами осталось метров двести, я увидел, как он, наконец, остановился у тёмного здания, одиноко стоявшего за высоким забором. «Крокодил» выплюнул «пёстрога» и Коринну из своего мрачного чрева и закрыл глаза. Две фигуры завернули за угол здания и растворились.

Я вышел из машины и нервно поёжился. Обманчиво тёплый апрельский день снял свою маску и обернулся остывшим, почти морозным вечером. Где-то неподалёку залаляли продрогшие рублёвские собаки, и мне стало их жалко. Таиться было нечего, и я с холодным, тупым спокойствием приблизился к логову. «Крокодил» уже засыпал, потрескивая уставшим железом. Я подошёл к зданию с торца и отчего-то совсем не удивился, когда через просвет в решётке в глаза ударили буквы, мерцавшие шаловливым розовым неоновом на уровне цоколя. Они ядовито складывались в название, которое не оставляло никаких сомнений насчёт этого заведения. Оттуда доносились глухие звуки музыки, казавшиеся преступно потусторонними в окружавшей тишине.

Постояв немного, я прикусил губу и медленно пошёл прочь. С привкусом тёплой соли во рту, я включил зажигание и заметил увядшую герберу, невинно лежавшую на пассажирском сиденье. Схватив цветок, я со злостью швырнул его назад.

Похоже, всё было кончено.

Глава 5. Имя блаженное

Петербургское небо ненадолго попрощалось с солнцем и подёрнулось волнующей дымкой, подсвеченной лёгким прикосновением городских огней, побледневших и совсем необязательных в это время года. Сезон белых ночей, казалось бы, почти миновал, но ясная погода, неожиданно задержавшись, не спешила никуда уходить и, похоже, решила продлить эту сказочную атмосферу. Зачарованный, я смотрел в окно и думал о том, что в такие ночи, которые, конечно, во все не белые, да и не ночи вообще, в организме, должно быть, включается какой-то особый режим, автоматический и бесконтрольный. Уже накануне я понял, что в этом ритме сбитых координат сонливость отнюдь не гарантирует нормального сна, а краткая эйфория – свежести пробуждения.

Перебирая в туманной голове детали первой встречи с Вероникой, я ловил себя на мысли, что не смог бы в точности описать ни её саму, ни подробности нашего разговора, в котором, однако, было рассыпано столько пленительно-звучащих намёков. В то же время чувство непонятной тревоги не оставляло меня, и я всё не мог нащупать его источник, пока не наткнулся взглядом на светлое квадратное пятно, маячившее сбоку на столе. Свёрток, полученный от Ники в саду, дразнил своим глянцевым бликом в эту волшебную кофейную ночь, питавшую мои силы мнимой бодростью духа. Мне

захотелось как можно скорее избавиться от этой укутанной в бумагу коробки и вместе с ней – от некоего Алексея, с которым она была как-то связана. Грядущий матч представился как поединок, чей исход мог многое прояснить, и не только на зелёном газоне. Что за «слишком человеческое» произошло меж нами?

Путаница в мыслях незаметно перешла в тонкий сон, и наутро я очнулся в кровати полуодетым, помятым и разбитым. Можно было бы стянуть с себя всё лишнее и поспать ещё, но звонко пикнул не выключенный с ночи телефон, и я не поверил слипшимся глазам. Экран вспыхнул огненным сообщением от Стаса:

«Дружище, извини, что рано. У меня запара дома, приехать не смогу. Но будет замена, прорвёмся! Днём позвоню и всё расскажу, а пока – спи дальше!»

Последние слова прозвучали как издевательство, и я, поворочавшись ещё немного, вскочил с кровати и набрал приятеля.

– Стас, ты чего? Какая ещё запара в субботу утром? Ты там что, картошку копать собрался?

– Старик, на дворе июль, при чём тут картошка? – услышал я сдавленный голос. – У меня ночью бабушка умерла...

– Вот так дела, прости... Она ведь тоже болела за «Спартак»?

– Да, она меня и приучила к этому делу. Знаешь, она бы точно поняла и поддержала, если бы я поехал сегодня. Она

сама так ждала этого матча... Но всё же я не смогу. Билет отдам своей знакомой, она из Питера, но тоже из наших – «красно-белая»!

– Стоп. Ты хочешь сказать, я пойду на игру с какой-то посторонней девицей? А как же ритуал «без женщин» в день матча?

– Ну чего ты сразу скандалишь? Никто тебя не заставляет идти с ней вместе. Можете просто сидеть на соседних местах и молчать как рыбы. Но вообще, я уже сказал ей, что ты будешь рядом. А ей, кстати, понравилось твоё имя – необычное, говорит, но классное.

– Хорош молоть ерунду. Если сказал ей про меня, то, конечно, пообщаемся. Как её зовут?

– Оксана. Ох, и девушка, скажу я тебе. Такой экспонат на трибуне будет!

– Смотри, не захваливай, вдруг я глаз положу.

– Да брось ты. У тебя там, чую, свои амуры. А если всё же понравится, то даже не мечтай – всё равно не отдам. Да и не твой это формат, я думаю.

– Что, снова «развитые формы правления»? Где ты её подцепил, питерскую, да ещё в наших цветах?

– Слушай, давай не будем об этом. У меня всё бабушка из головы не выходит. Ещё вчера с ней шансы обсуждали – и вот уже нет дорогого, любимого человека... Ладно, может, я всё-таки прилечу, но только на следующей неделе. Не обещаю, но постараюсь. А пока, брат, держи оборону!

Стас отключился, оставив за собой последнее слово и окатив моё разбуженное сознание потоком новых вводных, что смешались с прежними, сгустившимися после недолгого, неудобного сна. Вероника, свёрток, Алексей, футбол, Оксана, пробелы и запятые, Достоевский, Алекс, белые ночи, Стас, бабушка... Бабушка! Бабушка Стаса, которой уже нет в живых. А что, если и с моим старым, беспомощным дедом случится что-нибудь, пока я здесь прохлаждаюсь? Но ведь там родители, они справятся и без меня, как уже не раз бывало до этого. И всё же мне стало стыдно, что я ещё ни разу за два дня в Питере не позвонил домой, ограничившись дежурным сообщением о приезде. Здесь, вдали от всех домашних дел и обязательств, мне было до жути хорошо и вольготно – настолько, что возвращение к прежней жизни, временно оставшейся позади, казалось попросту невозможным, даже в мыслях. И таким же невероятным представлялось то, что я сам когда-то затащил себя в эти житейские тиски и убедил себя в их оправданной, но несносной необходимости. А ведь можно было бы вырваться из них, создать свою семью, растить детей... да хоть с той же Вероникой, если бы я только уверился в её чувствах и намерениях.

В лёгком раздражении я подошёл к столу и взял в руки свёрток. Он был совсем нетяжёлым, приятным и чуть мягким на ощупь, удобно помещался в ладони. От него по-хвойному пахло Никой, и я сразу оттаял. Мы условились снова встретиться после выходных, в понедельник, и я попытался

соотнести это с её словами о том, что первая встреча всегда всё решает. Неужели это «всё» решилось в мою пользу, или она ещё хотела присмотреться, в чём-то для себя убедиться? Вопрос представлялся сложным и интригующим, хотелось остаться с ним наедине и всё осмыслить. Но только не сейчас, не сразу, не сегодня. Сперва просто выспаться и только потом «держать оборону» – а ведь Стас попал тут в самую точку: в этом городе у меня уже было что защищать.

Проснувшись к тому времени, когда можно, не размениваясь на завтрак, сразу переходить к обеду, я быстро накидал в голове план с двумя неизвестными. С Алексеем хотелось расправиться ещё до матча, а вот с Оксаной можно было действовать по обстоятельствам. Первому я отправил краткое сообщение, чтобы заодно посмотреть, как он выглядит. Его скуластое лицо, угрюмо смотревшее с проявившейся фотографии, показалось мне отдалённо знакомым, но я не придавал этому значения – уж слишком расхожей была эта бульдожья физиономия. Он сразу прочитал сообщение, но вышел из сети и ничего не ответил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.